

*Независимая газ. - 1996
19 марта - с. 7*

«Галина» в Лионской опере

БЫВАЛИ ли в истории театра случаи, когда главный герой спектакля присутствовал в зале? И к тому же мог профессионально судить о происходящем на сцене? Именно это произошло в воскресенье, 17 марта, в Лионском оперном театре — Галина Вишневская слушала оперу Марселя Ландовского «Галина». В основе либретто, написанного самим композитором, лежат ее воспоминания, изданные в 85-м году и разошедшиеся по всему миру миллионными тиражами.

«Когда я прочел книгу, — рассказывает Ландовский, — меня потрясла сцена прощания Галины с Большим театром. Она пришла туда одна, ночью — и на пустой сцене вспоминала все те роли, которые принесли ей славу «русской Каллас». И я сказал себе, что это — великолепная тема для оперы».

Марсель Ландовский написал либретто, перевел его на русский язык и принес текст Галине Вишневской и Мстиславу Ростроповичу, с которыми его связывает давняя дружба: композитор сочинил для них в свое время несколько вещей. Вишневская внесла в либретто кое-какие поправки и предложила ввести нового персонаж, который олицетворял бы КГБ. Так появился Скарпьев, ассоциирующийся со страшным Скарпиа из «Тоски». Вместе с Ландовским Вишневская тщательно подбирала стихотворные и музыкальные цитаты — Ахматова, Мандельштам, фразы из «Евгения Онегина», из «Аиды», «Бориса Годунова»...

Выбор режиссера-постановщика мог бы показаться неожиданным, поскольку Александр Тарта известен в первую очередь своими работами в драматическом театре, балете и на телевидении. Но те, кто знал, что его настоящее имя — Александр Тартаковский, что родился он в Москве и лучше, чем кто-либо другой, мог донести до зрителя «дух эпохи», не были удивлены.

Героиня оперы «Галина» — не только сама Вишневская. По замыслу автора, это обычная русская женщина, судьба которой связана с судьбой России. Расстрел кронштадтского восстания, раскулачивание крестьян, ленинградская блокада, брежневская эпоха — все это уложилось в сценическое время. Поднимается первый занавес, и перед зрителями возникает огромное, словно трепещущее на ветру красное знамя. На нем, как на самодельном киноэкране 20-х годов, на протяжении всего действия возникают кадры документальной хроники: строительство Беломорканала, ленинградцы в очередях за хлебом, похороны Сталина...

На премьеру в Лион съехался весь европейский музыкальный мир. Был министр культуры Франции Филипп Дуст-Блази. Было очень много журналистов и музыкальных критиков, которые пришли не ради сенсации (мода на Россию, порожденная перестройкой, давно прошла), а для того чтобы оценить музыку, постановку, мастерство исполнителей.

Надо отдать должное авторам спектакля: самым трудным сценам, которые в неудачном прочтении могли бы вызвать только неловкость, как, например, появление на оперной сцене Солженицына, найдено тактичное решение — Солженицын в «Галине» не поет. Равно как и Ростропович, выходы которого сопровождаются виолончельным соло. Не выглядели переодетыми статистами ни голодающие крестьяне, ни уличные прохожие брежневских времен — толпа сливалась с толпой на экране. Уместно звучали даже допросы в КГБ.

Действие вела за собой музыка. Как сказала сама Вишневская, для нее главной радостью этой премьеры стало создание нового музыкального произведения, носящего ее имя: «Это — настоящая опера. Опера очень сильная, очень эмоциональная, в ней масса музыки, которая моментально ложится на ухо и которую — это сразу чувствуется — нравится петь певцам».

Еще одна трудная задача, которую с успехом решили авторы, — подбор исполнительницы главной роли, которая дерзнула бы петь Галину в присутствии самой Галины. Нужна была молодая, не слишком еще известная актриса. Выбор пал на американскую певицу Гвин Гейер — прекрасное, сильное сопрано, как отзывается о ней сама Вишневская.

«Я надеюсь, что эта опера пойдет в России. Где же еще, как не в России, должны ее узнать — это опера про всех нас, про русских, кто пережил это время», — сказала Галина Вишневская после премьеры.

Александр БАНГЕРСКИЙ

Лион